

Николай Лесков

Кувырков

Николай Семёнович Лесков

Кувырко́в

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175253

Аннотация

«Мне сказывал один известный психиатр, что одна дама в самое короткое время схоронила обожаемого мужа и шестерых детей и после всех этих потерь оставалась в своем разуме, а потом вдруг дворник как-то ее коту хвост отрубил – она этим так огорчилась, что с горя потеряла рассудок, начала кусаться, и ее свезли в сумасшедший дом...»

Содержание

I	4
II	6
III	10
IV	12
V	14
VI	16
VII	17
VIII	19
IX	22
X	31
XI	34

Николай Лесков

Кувырк

Совершенно *невероятное событие*

I

Мне сказывал один известный психиатр, что одна дама в самое короткое время схоронила обожаемого мужа и шестерых детей и после всех этих потерь оставалась в своем разуме, а потом вдруг дворник как-то ее коту хвост отрубил – она этим так огорчилась, что с горя потеряла рассудок, начала кусаться, и ее свезли в сумасшедший дом. «Это бывает, – продолжал психиатр. – Люди иной раз черт знает что переносят, а на пустяках спотыкнутся и сажай их в матрацы, чтоб головы себе не разбили».

Одно из событий подобного свойства составляет предмет моей истории, которую я мог бы сейчас же и начать рассказывать, если бы мне не было настоятельнейшей необходимости убедить моих читателей, что невероятное событие, которое я буду описывать, не выдуманно мною и не сочинено, а действительно было, несмотря на всю свою невероятность.

Для этого я должен обратиться к истории о том, как иногда пишутся истории. Это будет отступление весьма короткое, но столь внушительное, что после того исторического факта, который я сейчас приведу, читателю уже будет гораздо легче верить, что могло в действительности происходить все то, что я расскажу далее.

II

В Германии был один ученый профессор, человек необыкновенно серьезный. (Это я не сочиняю, а рассказываю с книжки.) Целый свой век этот профессор занимался памятниками древности: осматривал их, изучал, описывал, выводил о них очень глубокомысленные заключения и наконец предавал все это тиснению. В то время, к которому относится начало этого вступительного рассказа, у немецкого ученого уже было очень большое имя. Старик мог совершенно удовольствоваться этим именем, но у него был червяк, не дававший ему никакого покоя. Профессор всегда завидовал Ньютону и Кювье; он спал и видел восстановить по крошечному, так сказать микроскопическому следу важный исторический факт, не попавший еще на страницы истории. Это была его задача, от которой он ни на минуту не мог оторваться. Полный таких забот и размышлений он однажды гулял по родному полю и мало-помалу зашел очень далеко, почувствовал усталость и сел. Ему показалось очень жестко сидеть, он ткнул палкой в землю и услышал звук как бы от удара в твердое тело. Начал копать и вершка на три под землю нашел камень, а на камне высеченную готическую букву *t*. Три ночи профессор собственными руками откапывал дорогую находку и за то был щедро вознагражден. На камне, кроме буквы *t*, стояли еще *r*, *i*, *g*, *o*, потом маленький пробел,

а за ним буква *p*, затем опять пробел и опять буквы *o*, *r*, *d*, *t*, *e*, *r*, *t*, *i*— и только.

Много времени, труда и денег истратил профессор прежде чем перевез к себе тайно ночью замечательный камень; зато через полгода в Мюнхене (это так написано в книжке) вышел первый том исследования об исчезнувшей династии царственного дома Тригопордов. После вступления, окончившегося в половине первого тома, начиналась история царствования Тригопорда I (Храброго), в половине второго тома Тригопорд I умирал в сражении на берегу Рейна, неподалеку от нынешних виноградников князя Меттерниха, и передавал корону сыну своему Тригопорду II (Мудрому), а в пятом томе, где оканчивалось исчисление деяний этого монарха, Тригопорд II умирал, произнося очень умное поучение окружавшим его царедворцам. Затем он остывающею рукою вручил бразды правления своему наследнику, который при этом случае сделался Тригопордом III. Государь этот был особенно замечателен тем, что он всячески поддерживал высшие фамилии в государстве и утвердил за ними многие исключительные права и привилегии, за что благодарный народ назвал его Тригопордом Справедливым. Все это было подробно описано с хронологическими датами и напечатано в пяти томах *in octavo*. Книжка рассказывает, что все немецкие университеты прислали профессору, отыскавшему династию Тригопордов, адреса, в которых слагали ученому панегирики, а одна академия сообщила ему патент

на звание ее члена.

Нашлись было дерзкие люди, решавшиеся оспаривать существование Тригопордов, что, конечно, было очень неприятно профессору, но он не терялся и храбро стоял за храброго Тригопорда. Все обстояло благополучно, и Тригопорды могли надеяться, что память их не исчезнет в потомстве. Но кто может предвидеть непредвидимое? Один раз, когда все рассказанное уже было сделано, экономка профессора подала ему его утренний кофе с сдобной булкой и сухой немецкой газетой. Профессор прочитал газету и, не доев своей булки, сошел с ума. Пришли ученые люди, исследовали профессора и его недопитый кофе. Оказалось, что профессор несет дичь, а кофе не имеет никакой вредной примеси. Профессора хотели раздеть и положить в постель, но он этому жестоко противился и наконец, когда его стали раздевать насильно, выхватил из своего кармана газетный листок и съел его. Это окончательно убедило всех окружавших в вредном сумасшествии профессора, и его свезли в сумасшедший дом, где он тотчас же провозгласил себя Тригопордом IV. Здесь он по распоряжению местной полиции во избежание всякого политического скандала подвергнут строгому одиночному заключению и навсегда погиб для немецкой нации и всего просвещенного человечества.

А сограждане сумасшедшего профессора очень покойно читали в этот день листок своей газеты, в котором, между прочим, значилось: «При проверке полевых меж близ де-

ревни Стумдорф оказалось, что один межевой камень выкопан с своего места каким-то злонамеренным человеком и похищен. Вследствие сего каждый благомыслящий гражданин приглашается сообщить правительству имя преступника, похитившего упомянутый межевой камень, дабы правительство имело возможность подвергнуть этого злоумышленно-го человека строгому наказанию по законам о повреждении межевых знаков. На похищенном камне было иссечено: Trigo. p. ord. teri., что в сокращении значит: trigonometricum punctum ordinis terri».¹

Вот вам и Тригопорды и вся их династия! Профессор не мог сделать ничего достойнее, как сойти с ума при таком страшном скандале; он это и сделал.

«Sic transit gloria mundi».²

¹ Триангуляционный знак размежевания земли (Лат.)

² Так проходит мирская слава (Лат.)

III

Лет не более как пять или шесть тому назад жил в Петербурге статский советник и кавалер Алексей Кирилыч Кувыркин. Он проходил свое полезное служение сначала где-то в Западном крае, а потом для пользы службы был переведен в Петербург и занимал здесь очень солидную должность. Из западных провинций Кувыркин захватил с собою в Петербург свое высокомерное обхождение с младшими, самоуничтожение перед старшими и экономку Кордулию Адальбертовну. После одного незначительного столкновения из рода тех, которые признаются особенно полезными для зазнающихся людей, Кувыркин нашел неудобным высокомерное обращение с младшими и более не стучал кулаками, не ругался и не бросал под стол докладов. Но самоуничтожение перед старшими он не хотел оставить, а Кордулию Адальбертовну он не мог оставить, ибо имел полнейшие основания бояться, что она ему сделала бы самый крупный скандал; а Алексей Кирилович, как человек делавший карьеру, терпеть не мог скандалов. Он был воплощенное приличие и сделался жертвою беспредельного почтения к приличию.

Статский советник Кувыркин ничем не известен в русской литературе. Алексей Кирилович не был ни литературным деятелем, ни литературным приставником; но хотя на его прямых обязанностях не лежало исправление авторских

мыслей, он, однако, усердно наблюдал за журналистикою, аккуратно отмечал красным карандашиком все вольнодумные места, все неблагопристойные мысли и низводил на эти места внимание влиятельных людей. Все это чиновник Кувырков делал *con amore*,³ просто потому, что любил приличие, много соболезновал о зловредном направлении литературы и стремился ко введению единомыслия в России. Подозрительность статского советника Кувыркова разрослась до того, что он всех людей стал считать существами, окончательно развращенными и в высшей степени опасными для нравственности и для государства.

В целом подлунном мире у него оставался на хорошем счету только один стрыечный брат Кордулии Адальбертовны Бонавентура Каетанович Хржонжчковский, у которого был врожденный польский талант снискивать себе всеобщее расположение.

– Это не то, – говорил себе, глядя на Хржонжчковского Кувырков, – ни материализма, ни нигилизма: тих, набожен, почтителен и скромн. Сына бы себе такого даже желал.

И вдруг этот самый Бонавентура Каетанович Хржонжчковский сыграл с Кувырковым самую мерзостную штуку.

³ Бескорыстно (*Итал.*)

IV

Был у Алексея Кириловича подчиненный, надворный советник Бухвостов. Жил этот чиновник на Песках, в собственном доме. Он имел жену, свояченицу, двух сыновей и четыре дочери, из которых самой старшей было осмнадцать лет, а самой младшей четыре года. Эта четырехлетняя m-ле Бухвостова имела счастье быть воспринятою от купели самим Кувырковым и вследствие того каждое пятое число сентября г. Бухвостов делал вечеринку, на которую всегда, как самого почетного гостя, приглашал крестного отца именинницы. (В экономических видах песковые барышни назывались: Вера, Надежда, Любовь и Софья, чтобы именины их могли праздноваться разом.) Сказано уже, что Кувырков на этих празднествах был первым лицом. Хозяин для него подбирал два сорта гостей. Первый сорт состоял из особ, с которыми высокий гость мог садиться за пульку, не компрометируя своего звания, а ко второму принадлежали люди, обязанные в благоговенном молчании слушать все, что будет сказано устами статского советника, если он солидничает и дерет зоб кверху, и смотреть ему в рот и заливаться хохотом, если Кувырков начинает склаться и забавляться.

Кувырков был доволен умением Бухвостова составлять общество.

В четвертое тезоименитство своей крестницы Алексей

Кирилович отправился к Бухвостову в сопровождении Бонавентуры Каетановича, которого Бухвостов, дороживший расположением Кордулии Адальбертовны, тоже пригласил на свое празднество, и тут-то произошел скандал неожиданный, невероятный и стоивший Алексею Кувыркову всего, чем он в чине своем мог гордиться.

V

Приятнее всего было, что весь вечер, на который прибыли Хржонжчковский и Кувырков, прошел прекрасно. Алексей Кирилович окончил пульку с выигрышем рубля осьмидесяти копеек и был очень доволен судьбою и партнерами. Перед ужином он уселся на диван, говорил очень много умных вещей против современного напряженного состояния умов, говорил, что люди и так очень счастливы и что человека, который никому на ноги не наступает, никто и по затылку не треснет.

Несколько голосов из раболепной толпы слушателей, выслушав эти речи, произнесли: «Это, ваше превосходительство, точно, это ваше превосходительство, действительно».

Кувырков был совсем в ударе; он всеми был доволен. Давно и очень давно никто не помнил его в таком приятном расположении духа.

Подали ужин. Алексей Кирилович кушал и шутил, шутил и кушал.

– Приятно, – говорил он, обращаясь к хозяину, – преприятно я провел время в вашем обществе: все умно, все почтительно, все прилично, ни задора, из всех этих бредень, одним словом, прелестно.

Ужин окончился, подали шампанское, Кувырков поднял бокал и возгласил: «Здоровье именинниц!» Гости начали

кланяться именинницам и тут заметили, что их налицо только трое, а не четверо. Самой старшей не было за столом.

– Где же Вера Дмитриевна? – спросил Алексей Кирилович хозяина.

– Она, ваше пшество, не здорова!

Бухвостов в своем доме говорил Алексею Кириловичу «ваше пшество».

Много не рассуждали и выпили за здоровье больной и трех здоровых и опять присели. Произошла приятная пауза, которой воспользовался искательный Бонаventura Каетанович и с нежным участием спросил хозяйку:

– Что же такое с Верой Дмитриевной? Крепко она больна?

– Не то, чтобы очень больна, а ходить ей не велено.

– Отчего же это?

Гости считали долгом оказывать напряженное внимание к этому разговору.

– Да пустяки с нею, – отвечала мать, – но она вчера походила, и хуже ей сделалось, у нее безобразная опухоль.

– В самой вещи? – с соболезнаванием спросил Бонаventura Каетанович.

Алексея Кириловича хватило как ножом и бросило из белого цвета в красный. Он нашел в вопросе Хржонжчковского нечто ужасное, – остолбенел и тем привел всех в неизъяснимое смущение. Бонаventura же Каетанович в недоумении смотрел на пораженное общество и подумал, что здесь все с ума сошли.

VI

Между тем Алексей Кирилович очнулся, отер салфеткою лоб, медленно поднялся с кресел и солидной поступью пошел к недоумевающему г. Хржонжчковскому.

– Что ты сказал? – спросил он его, дернув за плечо.

– Я ничего не сказал; решительно ничего не сказал, – отвечал Хржонжчковский. – Но если, как чувствую, я как поляк здесь почтенной русской компании напршикшил...

– Каналья! – вскрикнул вторично уязвленный Кувырков и, бросаясь стремительно в переднюю, быстро оделся и, ничего не слушая, уехал.

Вечер у г. Бухвостова был расстроен. Г. Хржонжчковский, узнав от одного помощника столоначальника, в чем могло заключаться дело, хотя и рассыпался в извинениях и доказал, что он поляк, что у него вместо «в самом деле» говорят «w samej rzeczy», что в буквальном переводе значит «в самой вещи», а *naprzykrzyć* значит «надоест» и ничего более, – но все дело уже было погублено.

VII

Алексей же Кирилович Кувырков даже не слышал и этих разъяснений и потому имел повод еще более оставаться в азарте. Иваном Грозным он приехал домой, обругал отпирравшую ему дверь кухарку и позвал Кордулию Адальбертовну.

– Бывают у вас в Польше опухоли? – спросил он экономку, крепко схватя ее за руку.

– Что вы гармидер ночью поднимаете? – отвечала спросонья недовольная полька.

– Опухоли у вас бывают? – громовым голосом закричал Алексей Кирилович.

– Ну бывают.

– В самой вещи?

– В самой вещи.

– Чудесно! Я не знал этого, однако.

– Ну то знайте.

– Ага!.. Да, да, я буду знать. А напшикшить поляк русской компании может?

– Ну может.

– Может!

– Ну может же, может.

Алексей Кирилович повернул экономку, толкнул ее за двери и, позвав кухарку, настрого приказал ей не пускать на

порог Бонавентуру Каетановича и затем лег в постель, недовольный, взволнованный, раздраженный.

VIII

В доме все пошло другим порядком. Бонаventura Кае-танович приходил к Кордулии Адальбертовне только после ухода Алексея Кириловича в должность и скрывался за час до его возвращения. Алексей Кирилович и слышать не мог о Хржонжчковском. Других людей он тоже не допускал к разговорам с собою, потому что после разочарования в Хржонжчковском он уже не верил ни в чью благопристойность.

– Лучше, – думал он, – я стану читать. Поздно, да ничего, начну.

И вот всех живых мучителей для него теперь заменили ему газеты: он возмущался, читая свободомысленные осуждения действий широко расставленных людей; жаловался на это, подавал записки и, не находя себе ни в ком должной энергической поддержки, решил избавиться и от этих врагов. Кувырков решил изгнать из своего дома и газеты с их направлениями.

Кордулия Адальбертовна только этого и дожидалась. Воспользовавшись этою порою общего разочарования статского советника, она сказала ему:

– О, то же то и есть: Хржонжчковский завсегда говорил, что в оных российских денниках⁴ ничего больше, як свинь-

⁴ Газетах (Польск.)

СТВО.

– Ну уж, пожалуйста! Хорош ваш и Хржонжчковский, который всем пршикшит.

– Але же, Боже, как то есть со стороны вашей глупо! – отвечала Кордулия. – Что то есть такого напршикшить? Да вы ведь сто тысяч раз сами...

– Что? Что такое я сам? – закричал, подскочив, Кувырков.

– Пршикшили и напршикшили.

– Я!.. я?.. я пршикшил и напршикшил?

– Ну да, вы, вы, вы. Чего вы очами-то так лупаете? – *Вы.*

– Я очами лупаю? Я напршикшил?.. Позвольте же мне вас спросить: кому я когда-нибудь напршикшил?

– Кому? Да мне сто рбзы, як не больше, аж даже жизни своей не рада была.

Кувырков вдруг встал и перекрестил Кордулию.

– Нечего, нечего меня крестить, меня уже ксендз крестил, – отвечала Кордулия.

– Нет, он вас плохо крестил, – я вас перекрещу. Разве вы можете это сказать, чтобы я, я напршикшил? Вы после этого пустая женщина.

Кордулия Адальбертовна расхохоталась и разъяснила Кувыркову, в чем дело.

Статский советник сконфузился, понял, что всю историю на именинном вечере, как и эту нынешнюю претензию свою, поднял не из-за чего, и, чтобы утешить фаворитку, пожелал примириться с Хржонжчковским.

И Хржонжчковский снова стал его другом и убедил его, что в родном языке Алексея Кириловича еще больше непристойностей, и спел ему песенку: «Куманечек, побывай, животочек, побывай».

– Довольно, – сказал Кувырков и добавил: – в самом деле, это черт знает что такое!

Чтобы подслужиться фаворитке, статский советник решил, что вперед зато ничего не будет читать по-русски, и прожил спокойно целые пять лет, но вдруг потом взял да и подписался на «Полицейские ведомости».

– Тут, – рассуждал он, – по крайней мере меня нечему будет тревожить.

И!.. о ужас, «Полицейские ведомости» нанесли Кувыркову еще более неожиданный и еще более несносный удар, чем благонравный поляк Хржонжчковский.

Месяца три Алексей Кирилович читал полицейскую газету и каждый день оставался ею совершенно доволен. Только объявления о молодых особах, желающих поступить к взрослым детям, да рекламы вдов, набивающихся угождать одинокому, немного смущали статского советника, и он собирался подать об этом записочку, но не подал ее потому, что прежде чем Алексей Кирилович привел этот план в исполнение, для него настал день, который он кончил так, как он не кончал еще ни одного дня своей жизни.

IX

В десять часов утром этого рокового дня Кордулия Адальбертовна поставила на столике перед кроватью Кувыркова стакан кофе и положила листок «Полицейской газеты». Пропустив несколько глотков кофе, Алексей Кирилович принялся за чтение. На этот раз на целом листе газеты ни одна молодая особа не просилась к взрослым детям и ни одна молодая вдова не набивалась угождать одиноким. Кач тоже из своей неприкосновенной рамки не выскакивает: «добились, говорит, англичане, как угождать женскому полу», ну да что ж, с англичан нечего взять, а свои зато отлично молчат и хвост поджали.

– Что? Вот вам лысого беса здесь будет расписывать! – думает Кувырков.

Алексей Кирилович входил в приятное расположение духа. Он уже прочел, где продаются подержанные шубы, лошади, дома, скрипки, и совсем хотел сложить прочитанный листок, как вспомнил, что не просмотрел еще списка особам, прибывшим в столицу. Список был довольно велик.

– Эх их нанесло! – подумал Алексей Кирилович. – Таксы теперь нет, гляди еще говядина вздорожает. Ведь эти провинциалы жрут как черти.

А приезжих было множество со всех концов России, от запада и севера, и моря, из Астрахани, Архангельска, Минска,

Тамбова, Пирятина, Орла, Харькова и Бог весть откуда. «Из Астрахани приехал некто Севрюгин, остановился у Рыбного рынка», – вычитал Алексей Кирилович и улыбнулся. «Капитан Ветров, у Пустого рынка». Экий прохвост, какую фамилию себе приспособил! Да еще с ветром-то жметя к пустоте... «Ветров у Пустого рынка». – «Однако это иногда выходит пресмешно!» – подумал Кувырков и пожелал продолжать делать свои сопоставления. «Из Харькова генерал Жеребцов и из Тамбова действительная статская советница Кобылина – остановились в Конюшенной», – вычитал он еще дальше и задумался.

– Что ж это такое? – подумал Алексей Кирилович. – Генерал Жеребцов ехал из Харькова, а г-жа Кобылина из Тамбова, и теперь вместе стоят в Конюшенной. Странно это что-то!

Начал Алексей Кирилович кидать это дело так и сяк, и вышло оно у него делом неладным. Он ходил, ходил по своему покою и наконец воскликнул:

– Да нет-с, позвольте: это даже совсем странно! Жеребцов с Кобылиной в Конюшенной!.. А позвать-ка ко мне Хржонжчковского.

– Слушай, – начал Алексей Кирилович, когда перед ним предстал Хржонжчковский – Кордулия говорит, что ты все можешь понимать?

– Все могу понимать, – отвечал поляк.

– Ну так вот, возьми же, когда ты ловок, раскуси!

И Кувырков передал ему полицейскую газету.

– Вот видишь, вот эти вот строки раскуси.

– Что это такое?.. А, «Жеребцов с Кобылиной остановились в Конюшенной»? Самое это?

– Да.

– Простейшее дело.

– Это разврат?

– И совсем же не разврат, а то: это просто есть «русское направление».

– Что-о-о? – возразил удивленный Кувырков, никогда не слышавший про такое новое направление бесполезных умов.

– «Русское направление» – это ж, можете видеть: больших чинов особы в лошадиных фамилиях поставлены в Конюшенной. Насмешки над особами... К социалистскому нигилизму все.

– М-м-м! – протянул, нечто смекнув, Кувырков.

– А то ж, что еще? – хладнокровно говорил Хржонжковский.

– М-м-м-м! Так вот оно что! Да, ты прав, – проговорил Кувырков и крикнул: – Манишку! Скорей мне манишку!

– Эге-ге-ге! Так это вот это нынче каким путем проводится, – еще раз прошептал Кувырков и стал торопливо одеваться. По мере того, как Кордулия Адальбертовна привязывала к нему манишку, галстук и рукавички, его как будто разби- рало; он нетерпеливо вырвался из ее рук и, схватив листок газеты, побежал на Литейную к своему начальнику.

– Что с вами? – спросил начальник, увидя встревоженное лицо Алексея Кириловича.

– Вещи, ваше превосходительство, нешуточные, которых терпеть часа нельзя!

– Боже мой! Еще что такое? Чего еще нельзя терпеть?

– Жить нельзя.

– Кому?

– Никому скоро нельзя будет жить, ваше превосходительство!

– Отчего? Что вы такое говорите?

– От безнравственности, от разврата открытого, от литературного вольнодумства, которые ныне закрываются опаснейшею маскою опаснейшего, ваше превосходительство, нового направления.

– Ничего не понимаю! – пожав плечами, отвечал начальник. – У нас, конечно, есть еще это русское направление; но с ним пока еще нельзя кончить сразу: говорят, дух времени; что сделаете – *национальность* – с. Я говорил лет пять назад: Гарибальди положит у нас начало беспокойств, – душите Гарибальди, – не надо нам его национальных идей, – по-своему хотели, ну вот теперь и возитесь с национальным духом!

– А впрочем, – добавил он, – будем надеяться. У нас есть еще кому с этим переведаться. Но публичные канканы у нас запрещены; номеров аршинными цифрами, вместо вывесок, на домах не пишут: что же вас смущает?

– Извольте говорить, русское направление есть и его

должно терпеть, – да-с, есть, ваше превосходительство, есть. И угодно вам его терпеть – извольте терпеть. В этом направлении отлично все идет. Вот не угодно ли прочесть, ваше превосходительство, – отвечал Кувыркков, подавая злосчастную газету.

– Где? Здесь, что ли, о приехавших?

– Точно так, ваше превосходительство!

– М-м-м-м-м-м, – и начальник, дочитав до конца список особам, приехавшим в столицу, спросил: – Что же тут такое?

– Как, ваше превосходительство! Сами не изволите видеть, замечать не изволите?

– Да я спрашиваю вас, что же тут такое замечать?

– Помилуйте, ваше превосходительство, просто в глаза бросается.

– Да что?

– О! Ваше превосходительство, да вы взгляните!

Кувыркков указал пальцем на строки и начал читать: «Жеребцов приехал из Харькова, Кобылина из Тамбова, и обои (обои, ваше превосходительство, вместе) остановились на Конюшенной». Как же это можно, ваше превосходительство, публично такой скандал сделать и еще разглашать его, ваше превосходительство, посредством печати. Ведь это на иностранные языки могут перевести, ваше превосходительство, и в каком виде тогда нас это европейским державам представит? Что же мы лошади, в самом деле, что ли? Все-то мы

разве лошади, ваше превосходительство? Разве ваше превосходительство лошадьми изволите править, а не нацией? Лошадьми, ваше превосходительство, кучера правят, а у нас есть начальство, у нас есть просвещенное начальство, благонамеренное, ваше превосходительство, начальство, которое... которое я... которое всякий обязан чтить... которое в Европе каждого человека знают!

Алексей Кирилович все это говорил с задушевным чувством, и к концу речи глаза его заблестели алмазною слезою.

– Благодарю вас, благодарю за вашу искреннюю любовь к начальству, которую я читаю в вашем сердце.

– Ваше превосходительство, позвольте, – перебил Кувырков. – Вы изволите благодарить, но за что же, когда это, можно сказать, долг и природа! Кого же еще и любить!

– Что-с?

– Я говорю, кого же еще, ваше превосходительство, любить, если не начальство.

– Да, – пропустил сквозь зубы начальник, не разделявший мыслей Кувыркова по отношению к тем, кто его выше, – да; но тут я, собственно говоря, могу сказать, ничего дурного не вижу.

– В чем это, ваше превосходительство?

– Да в статье, которую вы показываете, – отвечал начальник нервно.

– Помилуйте, ваше превосходительство, как же ничего дурного? Ведь это за три дня перед революцией разве можно

позволить! Жеребцов будет публично стоять с Кобылиной в Конюшенной, и это в газету записано, и ничего дурного?

– Да ведь это фамилии такие. Что же делать, если есть такие фамилии. Теперь это уж поздно переделывать.

– Пусть по крайней мере они порознь стоят, ваше превосходительство! Пусть в разных улицах станут. Ведь есть Кирочная, Фурштадская, – мало ли где можно стоять. Там ничего и с лошадиной фамилией. Пусть, ваше превосходительство, их разгонят.

– Это же на каком основании?

– А они на каком основании вместе стали?

– В наш век у нас всякий может себе нанять квартиру в любой улице, и никто ему не смеет препятствовать. Это уж так в наш век.

– Да помилуйте, ваше превосходительство, ведь это же безобразно.

Начальник пожал плечами и сказал:

– А черт их возьми: мало ли что у нас безобразно, но что прикажете делать, когда все уж так идет! Но, впрочем, я вам сказал, что в этом собственно деле я большого вреда не вижу. Ведь вон Севрюгин у Рыбного остановился, а Судейкина в Подьяческой, что ж, и их выгонять?

– Это все не то, ваше превосходительство, а тут ведь просто Содом и Гоморра. Среди белого дня в Петербурге, в просвещенной столице... Ведь это же, ваше превосходительство, самим Петром Первым сказано, что это окно в Европу,

и теперь для какого-нибудь русского направления в окне-то, как в магазине на выставке, будут Жеребцов с Кобылиной... Помилуйте, ваше превосходительство!.. Чего же-нибудь стоит нам отечество, чтобы позволять обращать его в такую конюшню! Мы от него хлеб, наконец, едим!.. Позвольте, я записочку составлю! – умолял Алексей Кирилович.

– Да о чем-с, не для кого и не для чего... Ее никто читать не станет.

– Ка... а...к?

– Я вам сказал, что это дело самое естественное.

– Жеребцову-то стоять с Кобылиной в Конюшенной в самом окне в Европу?

– Ну да. Конюшенная, Коровинная, черт, дьявол – это все равно. Извините, я сегодня присутствую и должен одеваться, – сказал начальник, выведенный несносно из терпения.

– Ваше превосходительство!

– Ну-с?

– По крайней мере согласитесь, я пойду в Конюшенную: я удостоверюсь самолично, там ли они? Не ложь ли это еще, не напрасная ли тревога?

– Ах! Это уж скучно. Я вам сказал, что это пустяки, пустяки и пустяки! Что тут с Жеребцовым и Кобылиной, когда нас всех... нас всех... обращают... в каких-то лошадей...

– Ваше превосходительство! ваше превосходительство! Что вы изволите говорить, – воскликнул в ужасе Кувыркин и, скрестив в ужасе на груди руки свои, задрожал.

– Говорю то, что делается: это не государство, которое умело бы подражать Европе; это не общество, а это... это табун... это дикий киргизский табун, который несется туда... к черту в зубы, на восток... к дьяволу... и... и... и хочет всем ржать про свое русское василетемновское направление. И пусть его... пусть... пусть его заберет черт.

– Удержать! – прошептал Кувырков.

– Э, да! Как раз вовремя... Смотрят, смотрят-с, сударь, в оба и держат... За хвост держат, а на спине-то уж... черт едет... Аксаковы, Катковы, черти, дьяволы... русское направление... ги-ги, га-га, тпфу, ги-ги-хррр.

– Но я не хочу, чтобы на мне ездило... русское направление... Я хочу, чтобы... ваше превосходительство...

– Да вот так вас станут спрашивать, хотите или не хотите: оно село, оно сидит... Что вы про неприличия, что там про нигилистов, все это вздор: я сам, если на то пошло, буду нигилист... А мы все лошади, и все это ги-ги-ги, ги-ги-ги, и будьте здоровы, – и начальник с этим неожиданно завертелся, загоготал, необыкновенно верно подражая лошадиному гоготу, и скрылся за дверью.

Х

Когда начальник удалился в кабинет, Кувырков стоял с минуту, опустив на грудь голову, и потом совершенно убитый вышел на улицу. Шел Кувырков, а сердце у него так и кипело, в ушах стоял звон, а он земли не видел под собою, будто как он проиграл генеральное сражение. Так он прошел ряд улиц и на угле одной из них наткнулся на саечника, и вдруг тот ему крикнул: тпру!

Кувырков вздогнул: слово слышит дикое, а место ему показалось незнакомое.

– Где я и что я, – подумал, оглядываясь, Кувырков и, очнувшись, взглянул на угол. О Боже, и случай! Над головою Кувыркова на углу высокого дома, на синей жестяной доске красовалась надпись: «Улица Большая Конюшенная».

Варом обварило Алексея Кириловича. В глазах у него помутилось, по коже что-то будто рассыпалось, а в ушах загудело: «Жеребцов, Кобылина, Конюшенная». Кувырков хотел протереть себе глаза, но руки его не поднимались, он хотел вздохнуть к небу, но вместо скорбного вздоха человеческого у него вырвался какой-то дикий храп, и в то же мгновение ему вдруг стало чудиться, что у него растет откуда-то хвост, длинный, черный конский хвост; что на шее у него развевается грива роскошная, а морду сжимает ременная узда.

– Эге-ге, так вот отчего я не совсем все это понимал со-

гласно с ним! – догадался, вспомнив недавнюю беседу статский советник.

Какой-то знакомый чиновник, поравнявшись в эту минуту с господином Кувырковым, сказал: «Здравствуйте, господин Кувырков!»

Кувырков отпрянул в сторону и храпнул так, что чиновник бросился бежать.

– Лошадь! и я лошадь! – радостно оскалив зубы, думал Кувырков и почувствовал, что левая нога, в которой у него давно обнаруживались подагрические припадки, против его воли, зашевелилась и начала бить по камню.

А из улиц и переулков навстречу ему все выходили лошади в шляпах, в фуражках, в бурнусах и кринолинах – все лошади и лошади.

Алексей Кирилович стоял и все метал копытом.

Люди проходили, оглядывали его и уходили далее, а он все маялся на одном месте. Храпнет, забьет копытом и, заложив за спину руку, повертит хвостиком своего мундирного фрака и опять сначала.

Из-за угла вышла какая-то дама в платье с длинным хвостом. Алексей Кирилович сейчас же сметил и сказал себе: «Ого-го-го! Вот она Кобылина-то! Ого-го-го-го! вот я ее! вот я сейчас ее ого-го-го-го-го-го!»

Он дал даме поравняться с собою и вдруг адски храпнул. Дама вздрогнула и бросилась вперед.

Кувырков удивился, но, постояв одну минуту, вприпрыж-

ку ударился за нею и догнал.

Догнав быстрыми скачками даму, Кувырков завернул вбок свою голову и, взглянув через свое плечо страстным взором в лицо перепуганной дамы, опять храпнул и залился громким конским ржаньем. Несчастливая дама бежать, а Кувырков за нею, и за ними по улице раздавалось ги-го-го-го-го!

Перепуганная дама наконец догадалась, как ей спастись от взбесившегося статского советника и вбежала под какой-то подъезд, а Алексей Кирилович понесся галопом далее.

Устав, он шел несколько шагов тихо, помахивая головой и отпырхиваясь, как усталая лошадь, но как скоро силы его восстанавливались, он снова то несся рысакom по расчищенной дорожке Летнего сада, то собранным курцгалопom маневрировал по Марсову полю. Люди на него смотрели и дивовались и рассуждали, что это такое за чиновник и что у него за мудреная такая должность и сколько за нее ему положено жалованья? А Кувырков смотрел на них и радовался и гоготал: «Все лошади! Все лошади!»

XI

До четырех часов сумасшедший чиновник успел уже обежать очень много мест, – он был видим простым глазом на Марсовом поле, в саду, на островах, на Адмиралтейской площади и наконец очутился на набережной Мойки. Здесь он заметил у одного подъезда лошадь своего начальника, остановился, как вкопанный, впереди ее и тихо пырхнул.

Кучер посмотрел, посмотрел и крикнул: «Извольте отойти, чтоб лошадь на ударила». Кувырков не трогался. «Извольте отойти», – громче крикнул кучер. Кувырков стоял, как врытый в землю.

– Глухой, верно, – сказал другой кучер.

А в эту минуту на крыльце показался начальник с сторожем, вынесшим за ним портфель. Сел начальник в пролетку, кучер хлопнул вожжою и хотел объехать стоявшего Алексея Кириловича, но Кувырков этого не позволил. Он в эту же минуту приподнял полу своего пальто, щелкнул себя ладонью по ляжке и понесся орловским рысаком впереди начальника лошади.

Все усилия объехать Кувыркова на лошади были тщетны: он прямо подкатил к начальникову подъезду и смирно остановился здесь опять впереди лошади.

Изумленный начальник звал Кувыркова по имени, но Кувырков его не слушал: он едва стоял на ногах; едва перево-

дил дыхание; но все-таки прямо отправился во двор к каретному сараю. Начальник послал за ним лакея. Алексей Кирилович не слушал, что ему говорили, и только отпырхивался. Дворники собрались, толкуют, судят, рядят, что это такое с человеком поделалось? Лакей побежал за городовым, а кушер отпрег лошадь и повел ее в конюшню.

Алексей Кирилович все наблюдал только за тем, что делали с лошадыю, он прошелся с нею раза три по двору, пока ее проваживали, и потом пошел вслед за нею в конюшню. В конюшне Кувырков нашел порожнее стойло и стал в него. Пришел сам начальник и пробовал уговорить Кувыркова выйти, – ничего: стоит да ногой скребет.

Привели извозчичью карету, стали сажать туда Кувыркова с городовым, а он упирается, ржет и рвется все к лошадям, стали сажать насильно – брыкается. Усадили, однако, и домой привезли. Взошел Кувырков в свое жилище смиренно, никому ничего не сказал и стал в уголочек. Что ни говорила ему Кордулия Адальбертовна, он на все только мотал по-лошадиному головою. Пригласили доктора, тот велел уложить больного в постель и пустить ему кровь. Но раздеть Кувыркова не было никакого способа: он визжал и брыкался с таким ожесточением, как будто бы с него драли кожу. Пришел г. Хржонжчковский и фельдшер, стали валить статского советника насильно, он пришел еще в большую ярость, так, что и подступиться невозможно. Позвали еще двух дворников. Дворник, молодой парень, послушав, что рассказывали

о больном, подошел к Алексею Кириловичу один и говорит ему: «Тпрусь, дурка! Дай-ка я тебя распрягу!»

Значение этих слов было магическое. Алексей Кирилович от радости даже и зубы оскалил. Так его всего до рубашки дворник и разобрал без всякого препятствия, только все отпрукивал и оглаживал как лошадь. Но едва лишь завидел Алексей Кирилович, что фельдшер держит ланцет, а г. Хржонжчковский берет его за руку, как им снова овладело бешенство. Он кинулся, начал швырять все, что ему попало под руку, и мания его перешла в настоящую *mania furiosa*.⁵

Беснующегося чиновника заперли в комнате, дали знать полиции и отправили в сумасшедший дом. Перед отправкой его туда к нему снова боялись приступить, и опять пошел к нему тот же молодой дворник.

– Тпру, тпру, дурашка, я тебя сейчас в иную конюшенку сведу, – сказал он Алексею Кириловичу, и тот опять обрадовался и снова от радости заплакал.

Так его и свез дворник в сумасшедший дом и поставил его в узенькую комнатку с окном под потолком. Статский советник Кувырков принимает здесь эту комнату за стойло и очень доволен своею судьбой: он стоит, машет головою и скребет копытом. Его здесь посещают его добрые друзья и знакомые, и он для всех совершенно безопасен. Нужно только всякий раз, подходя к нему, сказать вместо «здравствуйте»: «тпрусь, дурашка!»

⁵ Буйное помешательство (*Лат.*)

Впервые напечатано в 1863 году.